

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1997 г. Г.Ф. БЛАГОВА

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ В АРХИВНЫХ РАБОТАХ
АКАДЕМИКА А.Н. САМОЙЛОВИЧА**

Особой заботой Никиты Ильича Толстого в бытность его сначала ответственным секретарем редакции, а в последние годы – главным редактором, был раздел "Из истории языкознания" (позднее – "Из истории науки"); он, как никто другой, умел находить для журнала неопубликованные материалы из лингвистического наследия. Известный как один из крупнейших историков славистики, бессменный член Комиссии по истории филологических наук Никита Ильич относился с неизменным вниманием к работе лингвистов над архивами ушедших ученых. Мне не посчастливилось успеть поделиться с Никитой Ильичем своими разысканиями в архиве академика А.Н. Самойловича.

Размах предпринятых Самойловичем исследований в области истории литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии, тщательность и основательность в обработке огромных заделов материала – в сочетании с четко выраженным принципом историзма – могут свидетельствовать о том, какой поистине классический труд по тюркскому историческому языкознанию и литературоведению остался неосуществленным из-за того, что круто изменилась судьба ученого, трагически оборвалась его жизнь на 58-ом году (см. [Ашнин 1963; 1978а; Благова 1993: 3–5]). При ознакомлении с архивными материалами А.Н. Самойловича также расширяются и обогащаются наши представления об истории изучения в России XX в. уникального памятника тюркского средневековья – "Бабур-наме" (см.: [Самойлович 1994]). Каждая публикация из архивного наследия А.Н. Самойловича может внести хотя бы малую толику в дело уточнения истинного места ученого в современном научном процессе.

Посредством того архивного материала, который, как надеемся, не оставил бы равнодушным Н.И. Толстого, хотелось бы выразить глубочайшее уважение историку науки, Человеку, всей душой радевшему о будущем России и ее культуры, почтить светлую память Никиты Ильича, ушедшего от нас уже несколько месяцев назад, ввиду дня его рождения – 17 апреля, первого дня рождения Никиты Ильича в отсутствии его самого.

Академик Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) принадлежит к плеяде русских востоковедов-филологов широкого профиля: он изучал современные и старописьменные тюркские языки; будучи признанным знатоком среднеазиатско-тюркских манускриптов, гармонически сочетал исследования истории литератур и литературных языков тюркских народов Средней Азии, текстологическую работу и эдическую практику, публикуя тщательно подготовленные, снабженные подробными комментариями, переводом и введением тексты средневековых и более поздних литературных памятников; широко известен вклад ученого в фольклористику и этнографию тюркских народов. По собственному признанию ученого, его ближайшей

специальностью была "история литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии" [Самойлович 1936: 165–166].

В 1917–1918 гг. Самойловичем составлялся сборник под авторским названием "Турецкие этюды"¹ (на архивной папке чужой рукой написан подзаголовок: "Исследование по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков") из статей, написанных им за тот же период в связи с изданием, переводом и исследованием "Сборника стихотворений императора Бабура" [Самойлович 1917]. Работа эта осталась незавершенной. Черновой автограф "Турецкие этюды" (выполнен чернилами и карандашом; 872 лл., в том числе лл. 762а, 521а) сохранился в отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург; далее – РНБ) в составе обширного архива А.Н. Самойловича: ф. 671, оп. 487, разр. IV, ед. хр. 100. Рукописное наследие А.Н. Самойловича в ленинградских архивохранилищах описано Л.В. Дмитриевой [Дмитриева 1963; 1978].

Предлагаемый вниманию читателей черновой автограф Фрагмента (так здесь и далее мы обозначаем для краткости публикуемый материал А.Н. Самойловича) входит в состав незаконченного труда "Турецкие этюды" как его VII раздел, хотя такой раздел не числится в плане работы (= "Оглавление", ед. хр. 100, л. 1), опубликованном со значительными пропусками Л.В. Дмитриевой: [Дмитриева 1978: 296].

Фрагмент имеет собственное название, текст его заключен в самодельную обложку – пополам сложенный лист писчей бумаги (Самойлович работал, в основном, на полулистах, хотя иногда использовал и полноформатные), левая половина которого (л. 840) оформлена автором как "титульный лист". Этот титульный лист несет важную информацию: в верхней его части проставлена фамилия и инициал автора (А. Самойлович), чуть ниже – заглавие: "VII. [зачеркнуто: Взаимоотношение турецких литератур] О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам"; внизу "выходные данные" – "Петроград 1917", содержащие, как видим, точную датировку написания Фрагмента.

Сохранившийся автограф Фрагмента является неполным по двум причинам. Во-первых, А.Н. Самойлович предполагал еще продолжить работу над рукописью: так, в тексте он оставлял место для тех данных, которые требовали уточнения и могли быть вписаны позднее, проставлял номера сносок и так же оставлял место для последующего вписывания их содержания. Во-вторых, создается впечатление, что листы, составляющие автограф, некогда были рассыпаны и при этом отдельные листы могли быть утрачены. Во всяком случае, сквозная пагинация на протяжении Фрагмента несколько раз менялась, причем подчас листы нумеровались без учета смысла и наличия текстовой стыковки между ними.

Из содержания Фрагмента и из первоначального намерения Самойловича посвятить этот раздел историко-литературоведческой проблеме (см. зачеркнутый вариант его названия) видно, что соображения о литературном языке (или: языке литературы), о периодизации его истории возникали у ученого при изучении "взаимоотношения турецких литератур", при установлении периодов развития "среднеазиатско-турецких литератур мусульманского периода" (см. в "Оглавлении" – "Введение. I, § 2" [Дмитриева 1978: 296]), а также в связи с попытками "прикрепить" то или иное литературное произведение к "определенной географической области" (ед. хр. 100, л. 847) или же к отдельным группам памятников, характеризующим тот или иной период среднеазиатско-тюркской литературы (ед. хр. 100, л. 845). В параллель к сказанному можно отметить и то, что в соответствии с планом ("Оглавление") "Турецких этюдов" именно лингвистическое исследование заявлялось как стержневое для всей работы: "Главная часть [курсив А.Н. Самойловича]. Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание" (ед. хр. 100, л. 2а). Однако

¹ Нами сохранена терминология, продолжавшая употребляться еще и в первой трети XX в.: "турецкий" (вм. "тюркский"), "турколог" (вм. "тюрколог"), "туркология" (вм. "тюркология").

если намеченные в "Оглавлении" историко-литературные проблемы так или иначе освещены или затронуты в "Турецких этюдах" или же в последующих отдельных публикациях этого цикла (см., к примеру [Самойлович 1926а; 1926б; 1927]), то лингвистическая "главная часть" в этой работе отсутствует вовсе. По всей видимости, разработка вопросов, связанных с изучением истории среднеазиатско-тюркского литературного языка, требовала от ученого дополнительных усилий по уточнению и обобщению собранного им языкового материала, поскольку этот последний поддавался попыткам периодизации в значительно меньшей степени, нежели материал литературный.

В составе Фрагмента имеется план раздела, посвященного периодизации тюркских литературных языков (л. 846). Из него видно, что во Фрагменте представлен начальный этап этой работы, которую А.Н. Самойлович продолжил в своей незаконченной статье "Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями" (РНБ, ф. 671, оп. 487, разр. IV, ед. хр. 126), датируемой 1918 годом. Эту статью опубликовал в 1973 г. Д.М. Насилов [Самойлович 1973].

В подтверждение сказанного кратко продемонстрируем, как некоторые (2–5) пункты этого плана отражены в статье "Общий взгляд...". Под номерами в кавычках даются пункты плана (ед. хр. 100, л. 846).

"2) Древние тур[ецкие] диал[екты] до монг[олов]". Ср. "Общий взгляд...", с. 105: раздел "I. Домонгольский период".

"3) Тур[ецкие] диалекты при монг[олах]". Ср. "Общий взгляд...", с. 107: "... ко времени монгольского нашествия в Средней Азии, Персии, Малой Азии и Египте существовали диалекты, которые нельзя уместить в установленной акад. В.В. Радловым группе; последнюю, таким образом, приходится пересмотреть и дополнить...".

"4) Тур. письм. яз. до монг[олов]. [Карандашом приписано:] карлуки". Ср. "Общий взгляд...", с. 109: "Из литературных языков домонгольского периода, которые характеризовал акад. В.В. Радлов, особо важное значение для исследователя литературных языков последующих периодов общетурецкой жизни имеет смешанный западный, а из групп живых диалектов, намеченных мною, – две: западноогузская и кыпчакская. Отсутствие сведений о диалектах карлуков тем ощутительнее, что племя это в начале мусульманской эпохи являлось среди прочих степных турков наиболее культурным, почему можно полагать, что из него именно вышли первые мусульманско-турецкие писатели".

"5) Тур. письм. яз. после монг[олов] до XV в.
уйгурско-огузский"².

Ср. "Общий взгляд...", с. 110: "Я не вижу оснований дробить литературные памятники XIII–XIV вв., за исключен[ием] некоторых малоазиатских, на резко разграниченные основные группы... . Смешанный западный литературный язык был, собственно, если придерживаться моей терминологии, огузско-уйгурским" (см. сноску 2).

² А.Н. Самойлович не только варьировал свой термин "уйгурско-огузский" и "огузско-уйгурский", как в данном случае, но впоследствии в именовании второго периода развития "единого среднеазиатско-турецкого литературного языка исламской эпохи" менял в пределах одной статьи "огузско-кыпчакский" [Самойлович 1928: 21] на "кыпчакско-огузский" [там же: 23], не вкладывая в эти последние варианты тех различий, о которых позднее написал Э.Н. Наджип [Наджип 1965: 3. 10]. В изложении Я. Экманом периодизации Самойловича фигурирует "Kipchak-Oghuz Türkic" [Eckmann 1966: 7]. Между тем, в статье "Чагатайский язык", опубликованной в БСЭ (1934 г.) без подписи и приписываемой А.Н. Самойловичу ("Авторство устанавливается со слов К.К. Юдахина" [Ашнин 1978б; 284]), использован термин "огузско-кыпчакский". В изложении периодизации по Самойловичу, допущены, однако, вопиющие концептуальные несоответствия (на них мы указываем курсивом и разбираем их ниже): "Не являясь чем-либо единым, чагатайский язык поддается периодизации, которую А.Н. Самойлович проводит так: караханидский, огузско-кыпчакский и собственно чагатайский (15–16 вв.) периоды" [Самойлович 1934: стлб. 19–20]. Вряд ли можно согласиться с тем, что это – авторское изложение столь долго вынашиваемой концепции. Или это результат "силовой" редакции, не вникающей в суть проблемы, спорить с которой автору было бессмысленно в условиях уже нависавшего над ученым обвинения в "пантуркизме"?

О связи между Фрагментом и статьей "Общий взгляд..." может свидетельствовать также ссылка в этой последней статье на "Турецкие этюды", причем, по сообщению Д.М. Насилова, как раз на те листы, которые приходятся на Фрагмент, а именно ГНБ "ф. 671, ед. хр. 100, л. 841, 843–844" [Самойлович 1973: прим. 15 к с. 108]. «Сошлюсь на весьма важное фонетическое обстоятельство: соответствие кыпчакского *j* звуку *д* всех четырех языков группы, устанавливаемое "Турецкими этюдами" в словах, как *ajak* // *адак* 'нога'...» [Самойлович 1973: 108].

Дальнейшее развитие идеи, излагаемые в публикуемом Фрагменте и статье "Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями", получили в позднейшей статье А.Н. Самойловича "К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка" [Самойлович 1928]. В этой статье, работа над которой, как видим, занимала ученого в течение десятилетия (1917–1928, с вынужденными перерывами), четко сформулирована авторская концепция «единого среднеазиатско-турецкого (а не "чагатайского" или "восточно-турецкого") литературного языка исламской эпохи» и периодизации его исторического развития [Самойлович 1928: 21].

Периодизация Самойловича в настоящее время является общепринятой, см., например: [Eckmann 1966: 7, 9; Фазылов 1973: 59]. Во Введении (источниковедческий обзор) к труду К. Броккельмана много ссылок на публикации А.Н. Самойловича, в том числе и на его концептуальную статью "К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка" (см., например: [Brockelmann 1954: 4, 10, 13, 15–17, 20]). Но хотя, по сути дела, им принята концепция "единого среднеазиатско-турецкого литературного языка", в труде об этом ничего не говорится, и в этой связи имя А.Н. Самойловича не упоминается. Оригинальность же авторского освоения концепции Самойловича отразилась в заглавии труда К. Броккельмана: "*Восто́чнотюркская* грамматика исламского литературного языка Средней Азии" (курсив наш. – Г.Б.). Как известно, А.Н. Самойлович возражал против употребления термина "восточнотурецкий" (равно как и "чагатайский") в качестве обобщающего именованья всех периодов развития литературного тюркского языка Средней Азии [Самойлович 1928: 21].

Фрагмент заслуживает внимания читателей как одна из первых попыток А.Н. Самойловича обобщить в историко-лингвистическом аспекте проведенное им исследование групп средневековых тюркских памятников и наметить периодизацию развития литературного среднеазиатско-тюркского языка, первоначально (как это видно из Фрагмента) – начиная с древнетюркского периода, впоследствии – с XI в. Иными словами, Фрагмент интересен с точки зрения того, как формировалась концепция А.Н. Самойловича³. Вместе с тем в нем намечена периодизация также огузских литературных языков – проблема, от решения которой он воздержался в статье 1928 г.

А.Н. Самойлович был первым тюркологом, исследовавшим литературный язык и его историю (при этом не разделяя еще терминологически и по существу литературный язык и язык литературы). Как историк литературы и литературного языка он задавался вопросами: к какой группе или подгруппе памятников относится то или иное средневековое произведение? к какой географической области возможно "прикрепить" (как он выражался) это произведение? (см. л. 847). Впоследствии для тюркологов братских республик СССР станет остродискуссионным вопрос, поставленный под совсем уже другим углом зрения, а именно: к какому этносу можно "прикрепить" то или иное средневековое произведение? Ведь Самойлович справедливо считал, что ни хронологическая дата произведения, ни определенное указание на место его сочинения подобных вопросов не решают (лл. 847, 848).

³ Заметим, что при сходном соотношении более раннего архивного автографа Н.С. Трубецкого и его более поздней публикации по той же проблематике [Troubetskoу 1930] (материалы и выводы статьи-автографа были использованы ученым в статье 1930 г.) редакцией журнала "Вопросы языкознания", тем не менее, была напечатана статья-автограф [Трубецкой 1959] – как раз тогда, когда Н.И. Толстой вступал в исполнение обязанностей ответственного секретаря редакции.

Однако ученый не мыслил решения поставленных им вопросов без использования языковых данных изучаемых произведений: именно выработка языковых критериев могла дать научную опору для их решения. Поиски таких языковых критериев запечатлены во Фрагменте. Для Самойловича вопросы разграничения литературных памятников на группы и подгруппы напрямую связаны с разграничением их по языку, с попытками вычленить, как мы бы теперь сказали, региональные варианты литературного языка. Ср.: "Ни в Средней Азии, ни в Персии, ни в Малой Азии огузская литература в отношении языка (разрядка наша. — Г.Б.) не достигала полного единообразия, и там, и здесь на языке литературного памятника сказывалось существование нескольких огузских диалектов, на которых говорили отдельные туркменские племена" (л. 851).

А.Н. Самойлович искал и находил языковые "специфические элементы, которые позволяли бы решительно прикрепить произведение к определенной географической области" (л. 847), стремился, к примеру, определить в памятниках "слова, присущие исключительно языку данной группы огузов" (л. 848). При отсутствии подобных данных он считал, например, неосуществимым "точное разграничение огузских памятников на среднеазиатские, малоазиатские и персидские" (л. 849–848).

Особое внимание Самойловича во Фрагменте привлекают литературно-языковые влияния. Так, он отмечает, что язык среднеазиатско-огузской литературы находился под влиянием соседнего литературного уйгурского языка (л. 851). В свою очередь, наличие огузских элементов в языке Навои и его предшественников он объясняет, вопреки сложившейся традиции, "влиянием памятников огузских" (л. 850). Примечательно, что при определении размеров и глубины литературно-языкового влияния Самойлович считал необходимым индивидуализированный подход: "... влияние это достигало разных размеров в отношении того или иного памятника" (л. 851).

Надо отметить, что сама постановка названных выше вопросов и попытка решения их на научной основе предпринимались в условиях отсутствия таких операциональных понятий, как "диалектная основа литературного языка", "наддиалектность литературного языка" и многих других, которые сформировались во второй половине XX в.

При подготовке Фрагмента к печати из-за неполноты листов в автографе (см. об этом выше) и дефектов в их нумерации⁴ нами была предпринята своего рода реконструкция авторского текста. Иными словами, пришлось подбирать листы по смыслу и по наличию текстовой стыковки. Поэтому рядом с текстом на полях указывается номер данного листа по сквозной пагинации "Турецких этюдов", а в скобках приводится номер по второй, параллельной пагинации.

В целом же при подготовке к печати изменения в текст не вносились. Сохранены авторские терминология ("турецкий" вм. "тюркский", "туркология" вм. "тюркология" и т.п.), написания (например, "пахлеви" вм. "пехлеви": варьирование написаний арабских личных имен, вроде *Джелаль-ед-дин* и *Бурханеддин* вместо современного *Джелал эд-Дин*), своеобразное словоупотребление, стилистические особенности. Также сохранено подчеркивание автором отдельных слов, особо важных для развития авторской мысли, а также разрядка для отдельных фамилий и имен.

В двух случаях текст заменен сносками с лаконичным указанием на характер заметок, содержащихся на данных листах.

Нами были расшифрованы авторские сокращения (в случаях, когда самим текстом исключена возможность их двойного толкования); арабские написания заглавий литературных памятников заменены кириллическими; сделаны отдельные примечания, пояснения, добавлены нужные библиографические сведения. Наши добавления заключены в квадратные скобки, а примечания имеют собственную нумерацию и, кроме того, сопровождаются знаком астериска(*).

⁴ Так, например, л. 849 (839) по содержанию и наличию текстовой стыковки определенно должен предшествовать листу 848 (832); кроме того, листу 849 должен соответствовать номер 833 параллельной пагинации, а не 839.